

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

DOI 10.17223/19986645/23/6

Э.М. Жиликова, Н.А. Хохлова

КОНЦЕПТ ОХОТЫ В «ЗАПИСКАХ РУЖЕЙНОГО ОХОТНИКА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ» С.Т. АКСАКОВА

В статье рассматривается вопрос о содержании концепта охоты в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова. Концепт получает развитие через постановку проблемы природы, рассматриваемой в трех направлениях: любовование и наслаждение природой как чистой красотой, отношение природы и человека; природа и душа. Концепт охоты включает в себя идею значимости и ценности русской жизни, ее природы, культуры, истории, судьбы каждого человека.

Ключевые слова: С.Т. Аксаков, «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», философия природы, поэзия прозы, структура повествования.

Мотив охоты в русской художественной литературе XIX в. получил статус концепта в творчестве С.Т. Аксакова и И.С. Тургенева. Философским и эстетическим содержанием генетически этот концепт восходит к платоновской традиции понимания охоты как символа учения об идеях. В частности, как пишет А.Ф. Лосев, «удовольствие и приятное, красота, добродетель, благо, мудрость и истина – все это для Платона является предметом ловли в том же смысле, в каком охотник гоняется за своей добычей» [1. С. 272].

Практически в одно время из печати вышли две книги об охоте: «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1851) Аксакова и «Записки охотника» (1852) Тургенева; в 1852–1853 гг. были опубликованы две рецензии Тургенева на книгу Аксакова. Все вместе они составили текст, на основании которого в русской литературе оформился концепт охоты, уходящий корнями к традициям фольклора, русской поэзии, к творчеству И.А. Крылова, А.С. Пушкина и других писателей [2].

Одновременное появление этих двух книг не было случайным. Опубликованные в самом начале 1850-х гг., они своеобразно отразили итог напряженных духовных исканий русского общества предшествовавшего десятилетия, когда в спорах между западниками и славянофилами формировалась позитивная концепция национального единства, включавшая в себя утверждение нравственного и общественного потенциала русского общества. В книге С.Т. Аксакова, во многом связанного со славянофильским кругом философов и писателей, и в «Записках» Тургенева, художника западнической ориентации, равно проявился интерес авторов к коренным основам русского характера, культуры, истории, к идее народности, которая, по словам Герцена, объединяла усилия западников и славянофилов в «одной любви» к России [3. С. 119].

Натурфилософская концепция универсальности и целостности мира природы послужила основанием для постановки вопроса о национальном свое-

образии России и моделью единства развития человека и общества. В книгах Аксакова и Тургенева она получила воплощение в особом типе художественного текста, отличающегося сочетанием широкого эпического изображения с лиризмом повествования. В образе охотника-повествователя был создан тип современного героя русской жизни, наделенного лучшими чертами русского национального характера.

Центральная тема «Записок» Аксакова – охота. Объяснение по поводу того, что понимается под «охотой», сразу выводит «Записки» на уровень общечеловеческих проблем. По определению Аксакова, страсть к охоте – это не простое истребление дичи¹, а проявление особой организации души человека, «врожденной склонности, «бессознательного увлечения» [4. С. 314], в основании которого лежит любовь к природе. Концепт охоты получает развитие через постановку проблемы природы, рассматриваемой в трех направлениях: любование и наслаждение природой как чистой красотой, словами В. Соловьева, как «чистая бесполезность», которая «высоко ценится человеком» «как цель сама в себе» [5. С. 35]; отношение природы и человека, природа и душа. Характерно, что каждый раз, приступая к рассказу собственно об охоте, Аксаков предпосылает ему зарисовку картины природы как необходимому и естественному «интерьеру», на фоне которого будут нарисованы птицы, составляющие часть самой природы. Так, описанию весеннего прилета нырков, означавшего скорое начало охоты, предпослана картинка момента пробуждения весны: «Нырки прилетают весной ранее всех уток. В исходе марта иногда стоит в Оренбургской губернии глубокая зима: ни малейших признаков наступающей весны, кроме ослепительного блеска, которым стекленеется поверхность снегов!.. И вдруг охотник слышит, что в вышине, под облаками, раздаются какие-то особенные звуки; он легко узнает их: это дребезжащий свист или шум от резкого полета огромных стай нырков. <...> Трудно пересказать, какое сладкое впечатление производят на сердце охотника эти неясные звуки, этот неопределенный шум, означающий начало прилета птицы, обещающий скорое наступление весны после долгой нестерпимо надоевшей зимы» [4. С. 146]. Рассказчик неоднократно называет себя страстным охотником и наблюдателем. Описывая резвящихся копчиков, он замечает: «Нельзя без приятного удивления и невольного участия смотреть на быстро-

---

¹ По своему жанру, судя по точности определений, данных в заглавии [охотник – ружейный, место охоты – Оренбургская губерния], «записки» С.Т. Аксакова – произведение профессионала-охотника, до точности знающего и техническую часть, и сам процесс охоты, и особенности дичи, обитающей в Оренбургской губернии. Как опытный охотник, Аксаков начинает книгу с характеристики технических особенностей ружья для охоты на дичь в Оренбургской губернии: «Я думал сначала говорить подробно в моих записках вообще о ружейной охоте, то есть не только о стрельбе, о дичи, о ее нравах и местах жительства в Оренбургской губернии, но также о легавых собаках, ружьях, о разных принадлежностях охоты и вообще о всей технической ее части. Теперь, принявшись за это дело, я увидел, что в продолжение того времени, как я оставил ружье, техническая часть ружейной охоты далеко ушла вперед и что я не знаю ее близко и подробно в настоящем, современном положении» [4. С. 5]. В первой части произведения, которая посвящена ружьям, пороху, дробу, разделению дичи на разряды, мотив охоты имеет исследовательский, технический характер. Проблема понимания понятия «настоящий охотник» появляется уже во введении «Записок ружейного охотника». Автор предлагает так называемую инструкцию, которая необходима каждому охотнику, богатому или бедному. Аксаков предполагает, что настоящий охотник может охотиться на лесную дичь (вальшнепов, реже – куропаток, тетеревов) либо на дичь более крупную, преодолевая большие трудности в дороге, способе лова добычи.

ту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостливому человеку как-то не жаль бедных птичек, которых он ловит! Так хорош, изящен, увлекателен процесс этой ловли, что непременно желаешь успеха ловцу» [4. С. 233]. Позже, во Вступлении к «Рассказам и воспоминаниям охотника о разных охотах» (1855 г.), обобщая опыт предшествующего, Аксаков пишет: «Охота, охотник!.. Что такое слышно в звуках этих слов? Что таится обаятельного в их смысле, принятом, уважаемом в целом народе, в целом мире, даже не охотниками?.. <...> Как зарождается в человеке любовь к какой-нибудь охоте, по каким причинам, на каком основании?.. Ничего положительного сказать невозможно» [4. С. 314].

В «Записках», как и в «Рассказах», Аксаков пишет о силе и глубине этой страсти, обнаруживающей душевную активность природы человека: «Кто заставляет в осенние дожди и слякоть толкаться с ружьем (иногда очень молодого человека) по лесным чащам и оврагам, чтоб застрелить какого-нибудь побелевшего зайца? Охота. Кто поднимает с теплого ночлега этого хворого старика и заставляет его на утренней заре, в тумане и сырости, сидеть на мокром берегу реки, чтоб поймать какого-нибудь язя или головля? Охота. Кто заставляет этого молодого человека, отлагая только на время неизбежную работу или пользуясь полдненным отдыхом <...> таскающего на себе застреленных уток и все охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, без сомнения, одна охота. Вы произносите это волшебное слово – и все становится понятно» [4. С. 315].

И.С. Тургенев, сам охотник, в рецензии – письме на имя охотника, редактора «Современника», поэта Н.А. Некрасова о книге С.Т. Аксакова выделил в качестве центральной идеи «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» бескорыстную любовь автора к природе: «Он смотрит на природу (одушевленную и неодушевленную) не с какой-нибудь исключительной точки зрения, а так, как на нее смотреть должно: ясно, просто и с полным участием; он не мудрит, не хитрит, не подкладывает ей посторонних намерений и целей: он наблюдает умно, добросовестно и тонко; он только хочет узнать, увидеть. А перед таким взором природа раскрывается и дает ему «заглянуть» в себя» [6. Т. 4. С. 517].

Книга Аксакова композиционно выстроена как исследование энциклопедического характера. В основе авторской концепции лежит идея развития как основы жизни в ее естественной форме, как нескончаемый процесс изменения, обновления и умирания, непрерывного циклического движения. Книга составлена из четырех «разрядов» (Разряд I. Болотная дичь. Разряд II. Водяная, или водоплавающая дичь. Разряд III. Дичь степная, или полевая. Разряд IV. Дичь лесная), каждому из которых предпослана маленькая глава («Приступ»), а именно: «Болото», «Воды», «Степь», «Лес». Эти главы в совокупности составляют панораму-энциклопедию разнообразия и богатства ландшафта средней полосы России и дают богатый материал для характеристики аксаковской натурфилософии.

Среди всех форм жизни природы Аксаков особо выделяет воду. Вода символизирует природное начало жизни. «Все хорошо, – пишет он, – в природе, но вода – красота всей природы. Вода жива; она бежит или волнуется ветром; она движется и дает жизнь и движение всему ее окружающему» [4.

С. 100]. На протяжении главы Аксаков с изумлением и восторженностью описывает, как вода – в речках, ручьях, родниках – питает травы, цветы, кусты («незабудки, дикий нарцисс, кукушкины слезки, тальник и березка»), как крутит мельничные амбарушки и паровые машины, как омывает вольными струнами упавшие в воду столетние деревья, как отражает разнообразие черноты: «липу, осину, березу и дуб, кладя то справа, то слева, согласно стоянию солнца, прямые или косые тени свои на поверхность реки» [4. С. 104].

Описание болот, вод, степей и леса сочетается с толкованием четырех стихий бытия – огня, воды, неба и земли, указывающих на их космическую сущность. Каждый раз, перечисляя виды, например, болот (чистых, луговых, сухих, зыбких), Аксаков показывает их уникальность, различие, но вместе с тем выявляет общие закономерности и дает сведения о продолжительности жизни каждого описываемого явления природы – от начала до смерти, где, например, огонь выполняет функцию разрушителя мира природы так же, как и трясина болот ведет к уничтожению живого: «Бывали примеры, что такая неосторожность стоила жизни охотнику» [4. С. 41]. Каждое явление природы в конечном итоге целесообразно и выполняет жизненно необходимую функцию: «Конечно, летние жары и засухи производят в них убыль, но они от того не загнивают, кроме обыкновенного летнего цветения воды, которому подвержены все реки без исключения и которого начало приметно даже в самых быстротекущих ключах» [4. С. 105].

Общая атмосфера «Записок ружейного охотника...» – погружение человека в мир первозданной девственной природы, живущей по законам высшей гармонии. Так, при описании тетерева, его повадок, изменяющихся с переменами времени года, живописно рисуя косачей во время *тока*, когда они «рано утром, до солнечного восхода <...> слетаются на избранное заранее место, всегда удобное для будущих подвигов» [4. С. 247] и начинают свое глухое токование, Аксаков передает ощущения охотника, в которых выражено сладостное чувство, вызываемое в душе человека моментом соприкосновения его с природной гармонией: «В самих звуках нет ничего привлекательного для уха, но в них бессознательно чувствуешь и понимаешь общую гармонию жизни в целой природе...» [4. С. 247].

Описание красоты природы, богатства животного мира даются Аксаковым в соотношении с поведением человека, его душевными движениями и переживаниями. В изображении птиц и зверей, помимо обязательного подробного и живописного рисования внешности птицы (вида, цвета, размера, перьев, крыльев, грудки, шеи, общего строения и т.д.), включается рассказ об их поведении – и здесь сквозными можно назвать мотивы материнской любви (заботы о детях) и супружеских отношений (любви). Доминантное выделение этих двух мотивов чрезвычайно важно, поскольку жизнь человека через систему сравнений, ассоциаций, метафор и других тропов оказывается включенной в мир первозданной природы, ее исконных законов, она подвергается как анализу, так и поэтизации, а сам рассказ о природе одухотворяется и получает философское наполнение. Рассказывая о куликах, травниках, утках, чибисах, Аксаков каждый раз упоминает об их необыкновенной «горячности к детям» [4. С. 72] и описывает поведение матерей, свойственное всякому живому существу, включая человека. Так, например, «утка – самая го-

рячая мать. Когда собака или человек спугнет ее с гнезда, для чего надобно почти наступить на него, то она притворяется какой-то хворою или не умеющею летать...» [4. С. 126]. «Через несколько часов после вылупления утят уже нет в гнезде: мать увела их на тихую воду пруда, озера или залива с камышами. Она бережно перенесла утят во рту через такие места, где пройти им трудно» [4. С. 126]. С таким же подробностями, выдающими наблюдательную натуру повествователя-охотника, рассказывается о чибисах: «Чибисы, или пигалицы, очень горячо привязаны к своим детям и не уступают в этом качестве болотным куликам: так же бросаются навстречу опасности, так же отгоняют всякую недобрую птицу и так же смело выются над охотником и собакою» [4. С. 98].

Мотив любви на страницах «Записок ружейного охотника» занимает исключительно важное место, поскольку речь идет о великом законе обновления жизни, о формах его проявления. Особенность развития этого мотива состоит не только в том, что Аксаков рисует «любовные сцены» полно, живописно, с множеством увиденных им деталей, отмечая повадки, обстоятельства и поведение разных пород птиц. Эти описания поэтически одухотворены постоянной соотнесенностью мира природы с жизнью человека, творения этой природы.

Одной из сторон животного мира является «внутренняя сущность или *prima materia* жизни, стремление или хотение жить, т.е. питаться и размножаться – голод и любовь» [5. С. 32].

Страстным и верным любовником предстает в книге селезень: «Селезень, сладострастнейший из самцов, не отходит от утки ни на шаг, не разлучается с ней ни на минуту, ни за что прежде ее первый не слетит с места. Иногда утка полощется в какой-нибудь луже или щелочет носом в жидкой грязи, селезень, как часовой, стоит на берегу или на кочке; охотник подъезжает к нему в меру, но утка не видит или не замечает ничего; селезень пошевеливается, повертывается, покрякивает, как будто подает ей голос, ибо видит опасность, но утка не обращает внимания; один он не летит прочь – и меткий выстрел убивает его наповал» [4. С. 123].

Среди всех птиц особо выделены голуби из-за своей кротости и нежности в выражении чувств. Приступая к новому разделу, Аксаков опирается на материал о бытовании образа голубя в народном сознании и проводит важную мысль о нравственном здоровье нации, воспринимающей природу так чутко и поэтично. «Голубь с незапамятных времен служит эмблемою чистоты, кротости и любви – и не напрасно: все эти три качества принадлежат ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми, ветхо- и новозаветными словами. Любовь голубя к голубке и общая их нежность к детям признаны всем народом русским и засвидетельствованы его песнями и поговорками, авторитет убедительный и неопровержимый. Слова ласки и сожаления, *голубчик* и *голубушка*, постоянно слышны в речах простого народа. Хотят ли сказать, как ладно живут муж с женой, как согласны брат с сестрой, как дружны между собой приятели и приятельницы, и непременно скажут: «Они живут, как голубь с голубкой, не наглядятся друг на друга». Желая выразить чье-нибудь простодушие или доброту, говорят: «У него голубиная душа». Сострадавая чужой беде, всякая крестьянка скажет: «Ох, моя голубушка, натерпелась она

горя». Самая наружность голубя выражает его качества: как он всегда чист и опрятен, как соразмерны все части его тела! Какая круглота, мягкость в очертании его фигуры! Во всех движениях нет ничего порывистого, резкого: все так кротко, спокойно, грациозно. Народ глубоко чувствует нравственные качества голубей и питает к ним особенную любовь» [4. С. 268–269].

Выше процитированный текст характерен для «Записок»: на протяжении всей книги Аксаков постоянно апеллирует к народному слову, к крестьянским суждениям, тем самым вводит материал, позволяющий выстроить представление о народной культуре, понятиях народа о прекрасном¹. Нередко автор встает на позицию простого мужика в ситуации его постоянного общения с природой, выражающего всеобщую страсть наблюдения за природой, познания ее красоты и силы. И одно из значений мотива охоты концентрируется на страсти изучения природы, получения от этого радости. Так, описывая летящую стаю журавлей, он пишет: «Кто не слыхал их пронзительного *курлыканыя*, похожего на отдаленные звуки валторн и труб, падающего с неба, с вышины, не доступной иногда глазу человеческому <...>. Весело слушает крестьянин весною эти звуки и верит им, хотя бы стояла холодная погода: эти звуки обещают близкое тепло; зато в жаркие дни, какие изредка бывают у нас в исходе августа и даже в начале сентября, крик высоко летящих журавлей наводит грусть на его сердце. «Быть рано зиме, – говорит он, – журавли пошли в поход», и всегда почти верно бывает такое предсказание» [4. С. 172–173].

Взяв за основу первородное и первозданное в природе, Аксаков обнаруживает неразрывное единство изображаемого природного мира с образом многовековой крестьянской России со стороны ее нерастраченных возможностей, исконных и хранимых в народе нравственных ценностей. Аксаков называет Россию по-старославянски – Русь.

Философско-этическая концепция национальной жизни в ее целостности и развитии получает воплощение в размахе эпического повествования и лирической исповедальности. О глубинной связи писателя-охотника с народными основами свидетельствует определение им своей эстетической позиции. Враг пышности и романтических преувеличений, свойственных «господам стихотворцам, прозаикам, одним словом, поэтам» [4. С. 275], он утверждает красоту обыкновенного: «Я не стану спорить с любителями величественных и грозных образов и охотно соглашусь, что не способен к приятию грандиозных впечатлений» [4. С. 104]. Рассказывая о перепелках, Аксаков замечает: «Трудно описать серые, пестрые перышки перепелки, к тому же они слишком всем известны. По-видимому, в них ничего нет красивого. Но для меня так приятна эта не яркая, не разноцветная пестрота, что я предпочитаю ее блестящей красоте перьев других птиц» [4. С. 220].

Установка на выявление поэзии в обыкновенном определяет своеобразие хронотопа «Записок ружейного охотника». Уже во Вступлении Аксаков ад-

---

¹ Отсылки читателя к народному мнению постоянны в тексте «Записок ружейного охотника»: «Пар поднимается от земли: земля отходит, говорит крестьянин» [4. С. 27]; «народ говорит, что пига-лица кричит: «чьи вы, чьи вы?»» [4. С. 97]; «*коростель* – название охотничье и книжное; *дергун, дергач* – вот русские народные имена. Городская и особенно столичная публика мало знает коростеля; но зато все деревенские жители, от мала до велика, вдоволь наслушались его неугомонных криков» [4. С. 213] и др.

ресует свою книгу – плод «долговременной опытности, страстной охоты и наблюдательности» – «охотникам деревенским, далеко живущим от столиц и значительных городов, людям небогатым» [4. С. 5]. Принципиально важным представляется обращение Аксакова к стихотворению Державина «Евгению. Жизнь Званская». При описании тетеревов Аксаков цитирует строку («Вдали тетеревей глухое токованье») из стихотворения Державина, в котором поэт, в традициях русской литературы, развивая гораццианские и руссоистские идеи, воспевает вольную жизнь на просторах усадьбы в деревне¹.

Аксаков создает огромное по масштабу общенациональное пространство и время, хотя на первый взгляд ограничивает себя только Оренбургской губернией. Природное время как смена времен года, дня и ночи, утреннего рассвета и сумерек вечера представлено в богатстве красок, звуков, запахов и охватывает существование всего живого. Пространство Руси Аксаков прямо называет, используя стихи Грибоедова, «дистанцией огромного размера» [4. С. 21], в котором одна Оренбургская губерния – «обширный край, целое царство», «большие пространства нераспаханной, мало посещаемой башкирскими табунами ковылистой степи» [4. С. 171]. Описание ковылистых степей и зимних буранов получает сказочно-былинный колорит: «Осенью <...> вполне распушившиеся волокна ковыля при легком дуновении ветерка уже колеблются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный ветер, безгранично властвуя степью, склоняет до пожелтевших корней слабые, гибкие кусты ковыля, треплет их, хлещет, рассыпает направо и налево, бьет об увядшую землю, несет по своему направлению, и взору представляется необозримое пространство, все волнующееся и все как будто текущее в одну сторону» [4. С. 163].

Документальность повествования формирует эпическую картину мира с помощью точных указаний дат, места охоты и обитания дичи, детальной характеристики каждого из ее видов. Повествование охватывает период с 1807 по 1854 г., передавая наблюдения и воспоминания автора: «Вот пример, как иногда бывает длинна зима в Оренбургской губернии: в 1807 году 1 апреля перед солнечным восходом было двадцать градусов мороза по Реомюру!» [4. С. 146]². С удивительной точностью Аксаков изображает время и события охоты: «В 1816 году, с исхода сентября до 6 декабря, я убил с подъезда около пятисот тетеревов» [4. С. 254]; «Три дня с невероятными усилиями, к которым бывает способна только молодость и страстная охота, бродил я по этой непроходимой топи. Я убил восемьдесят три гаршнепа...» [4. С. 55]. В этом

¹ См. у Державина:

Иль накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги,
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом луги,
Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье [7. С. 147–148].

² Крайняя временная граница 1854 г. появляется в третьем издании «записок» в примечании автора, в то время как в первом издании повествование ведется до 1822 г.

случае значение мотива охоты связано с подстрелом дичи и, по Платону, является преследованием блага.

На протяжении всего произведения происходит чередование датированного времени и календарных циклов, определяющее линейность повествования. Национальное, историческое время входит с описанием царской и княжеской жизни Киевской Руси. По обычаям того времени было принято подавать к столу лебедя, которого «разрезывала сама великая княгиня» [4. С. 110]. Эстетика природного начала соединяется с бытовыми реалиями: «...мысль, что лебедь служил только украшением стола, должна быть несправедлива» [4. С. 110]. Старинные песни, сказания о лебедях являются воплощением фольклорного времени: «...говорят, что он ударом крыла убивает до смерти собаку, если она приблизится к нему, легко раненному, или бросится на его детей» [4. С. 110].

Жанр «записок», наиболее часто определяемый как цикл очерков, обогащается песенными вставками. Описание «миловидной птички» перепелки представлено в необычном, «вежливом» и живописном стиле Аксакова и больше тяготеет к хвалюбке, воспеванию: «Уж я улицею – серой утицею, / Через черную грязь – перепелицею» [4. С. 220]. Каждое явление живого мира изображается Аксаковым с любовью и исключительностью. В очерке «Степь», открывающем третий разряд (раздел) «Дичь степная, или полевая», он приводит «роскошную» характеристику растительности, вводящую народный календарь: «К концу же июня, к Петрову дню, поспевают ранняя полевая клубника; но самый рост ее бывает около летней Казанской, 8 июля». И тут же продолжает: «Эта чудная, ароматная, превосходная вкусом и целебная для здоровья ягода родится в некоторых местах в удивительном изобилии...» [4. С. 162–163].

Движение времени неразрывно связано с пространством. Расширение пространственно-временных рамок происходит с введением реальных, исторических имен, таких как И.П. Ах-в (произвольно оказался соавтором в описании куропатки), охотники А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин (Аксаков излагает их версию охоты сов и филинов на зайцев). Летописный характер «записок», проявляющийся в фиксации даты, событий, имен, оттеняется очень частым упоминанием «других» охотников и крестьян, с которыми когда-то встречался Аксаков. Несмотря на то, что в «записках» нет ни одной характеристики таких многочисленных охотников, именно они, наряду с Аксаковым, стали рассказчиками, естествоиспытателями и почти невидимыми персонажами в произведении. В описании большинства явлений живого мира Аксаков придерживается следующей структуры, возводящей повествование на общерусский уровень: точное описание явления, авторская и поэтическая оценка данного явления, версии других очевидцев, охотников, крестьян. Кроме того, в произведении вводятся работы, образующие «литературный» контекст: «Совершенный егерь» (из которого Аксаков позаимствовал первое название красноустика), «Книга сокольников пути» (о поведении копчиков) и др. Национальное пространство «записок» граничит с общеевропейским, которое образуется с появлением башкирцев в Оренбургской губернии – «башкирские соколы поважены почти в угон ловить уток» [4. С. 132], а также русским

интересом к немецкой культуре – «...немцы не совсем верно называют витютина «кольцовый голубь» (Ringtaube)» (С. 269).

Контаминация времен в «Записках» проявляется в рамках широкого национального географического пространства. Безусловно, особое внимание уделяется местам обитания дичи в Оренбургской губернии. Однако лебеди также живут в волжских озерах, «начиная от Царицына до Астрахани» [4. С. 109], и даже «в разливе реки Бугуруслана» [4. С. 110]. Местом обитания уток являются также Вятская, Пермская, Астраханская губернии. Шилохвосты встречаются в Ставропольском уезде. Степи Оренбургской губернии и нескольких уездов (Уфимского, Стерлитамацкого, Белебеевского...) отличаются от степей, имеющих ровную и сухую поверхность. Пространство Сибири («прекрасное место для глухарей»), Центральная и Северная части России не остались без внимания автора («отсутствие куропаток возле Москвы и их изобилие рядом с Петербургом»).

Поэтический ракурс изображения достигается глубокой симпатией писателя к неяркой русской красоте. В процессе точного, казалось бы, научно-документального описания проза обретает тональность, цвет, живописность, а сами перечисления создают ритм музыкального речитатива, которым передается взволнованное чувство повествователя. Так, описывая птицу в статье «Лебедь», Аксаков дает точные характеристики цвета, ее внешнего вида; но повторяющаяся синтаксическая структура этих определений, усиленная повторением глагольных форм с частицей *ли*, деепричастных оборотов, создает мелодию лирико-исповедальной интонации, которая не разрушает эпического строя, но придает ему дополнительный возвышенный характер: «Белый как снег, с блестящими, прозрачными небольшими глазами, с черным носом и черными лапами, с длинною, гибкою и красивою шеею, он невыразимо прекрасен, когда спокойно плывет по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и все его движения исполнены прелести: начнет ли он пить и, зачерпнув носом воды, поднимет голову вверх и вытянет шею; начнет ли купаться, нырять и плескаться своими липучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся с его пушистого тела; начнет ли потом охорашиваться, легко и свободно закинув дугою назад свою белоснежную шею, поправляя и чистя носом на спине, в боках и в хвосте смятые или замаранные перья; распустит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнет также носом перебирать в нем каждое перо, проветривая и суша его на солнце, – все живописно и великолепно в нем» [4. С. 108].

Лирическая исповедальность связана с раздумьями писателя о сложности современной жизни, о драматизме человеческого существования, о кратковременности пребывания его на земле, наконец, с тоской по идеалу. Чаше всего лиризм прорывается при описании голосов природы. Возможно, живая стихия звука оказывается для охотника-поэта наиболее родственной: издалика слышен «звонкий и приятный» [4. С. 68] голос кулика; «чистый, отрывистый, короткий и частый» свист болотного коростеля, «похожий на посвистывание *пастуха, погоняющего стадо*» издалика» [4. С. 93]; «тихий и заунывный писк» песочника [4. С. 82]; «звонкий и приятный крик, похожий на тиллú, тиллú» черныша [4. С. 74]; «зычный крик и глухое гоготанье» [4. С. 110] лебедей; «звучный, колокольчиком заливающийся голос» [4. С. 185]

кроншнепа; «плачевный, странный дикий крик» сычей и длинноухих филинов «в ночное время испугает и непугливого человека, запоздавшего в лесу. Что же мудреного, что народ считает эти крики *ауканьем* и *хохотом* лешего?» [4. С. 233]. Но нередко описание голосов птиц получает дополнительный смысл – через прямое обращение к человеческому чувству: «<...> Издали воркование горлиц похоже на прерываемое по временам журчанье отдаленного ручейка и очень приятно для слуха; оно имеет свое замечательное место в общем хоре птичьих голосов и наводит на душу какое-то невольное, несколько заунывное и сладкое раздумье» [4. С. 277]. Как бы не договаривая до конца, не давая точного определения чувству, а только намекая на него, нередко завершая размышление многоточием, Аксаков переводит повествование в лирико-философский подтекст и достигает глубины в изображении драматического состояния духа человека.

Чрезвычайно значимым видится признание, которым заканчивается статья «Лес»: «Я никогда не мог равнодушно видеть не только вырубленной рощи, но даже падения одного большого подрубленного дерева; в этом падении есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкие удары топора производят только легкое сотрясение в древесном стволе; оно становится сильнее с каждым ударом и переходит в общее содрогание каждой ветки и каждого листа; по мере того как топор перехватывает до сердцевины, звуки становятся глуше, больнее... еще удар, последний: дерево оседет, надломится, затрещит, зашумит вершиною, на несколько мгновений как будто задумается, куда упасть, и, наконец, начнет склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потом, с возрастающей быстротою и шумом, подобным шуму сильного ветра, рухнет на землю!.. Многие десятки лет достигало оно полной силы и красоты и в несколько минут гибнет от пустой прихоти человека» [4. С. 237]. Перед читателем образец философско-психологической прозы драматической напряженности: картина безвременной гибели дерева, достигшего расцвета сил, заключает в себе символику, связанную с драматическими раздумьями автора о жизни и смерти человека.

Таким образом, в «Записках ружейного охотника» концепт охоты включает в себя идею значимости и ценности русской жизни, ее природы, культуры, истории, судьбы каждого человека – крестьянина и дворянина, представленных людьми типа ружейного охотника. Сама страсть к охоте получает смысл этического события, означающего радость открытия, охоты, погони за истиной и красотой, обнаруживаемой в первоосновах природной и духовной жизни человека. Аксаков создал философскую утопию общенациональной целостности и всеобщего равенства: в самой охоте происходит приобщение людей к красоте открывающегося им мира природы – источника нравственного здоровья. В общении с природой человек угадывает смысл своего предназначения и обретает чувство духовной гармонии.

Книга Аксакова, как и последовавшие за нею статьи И.С. Тургенева и «Записки охотника», обозначили эпический пласт русской прозы, ставшей в русской литературе эталоном представления о национальных основах общества, знаменующих собою нравственное и духовное здоровье русского человека.

Литература

1. *Лосев А.Ф.* Охота как символ платонического учения об идеях // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974. С. 272–292.
2. *Большакова А.* Философско-эстетическая «охота» в мире русского слова (Пушкин, Тургенев, Л. Толстой, Аксаков) // Лит. учеба. 2001. № 3. С. 17–19.
3. *Герцен А.И.* Былое и думы. М., 1988. Т. 2.
4. *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений: в 5 т. М., 1966. Т. 5.
5. *Соловьев В.С.* Красота в природе // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 30–72.
6. *Тургенев И.С.* «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. А-ва // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1980. Т. 4. С. 509–522.
7. *Державин Р.Г.* Глагол времени: Стихотворения. М., 1978. С. 147–148.